Моя публичка

Святослав Владимирович Логинов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Истории, случившиеся с автором в стенах Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина.

- Святослав Логинов
  - ○

Святослав Логинов
Моя публичка

Эти заметки не претендуют на полноту и даже на достоверность. Просто я уже почти тридцать лет ношу высокое звание читателя Публичной библиотеки, и за это время случилось многое, о чём стоит рассказать. Официальные историографы Публички, скорее всего, предадут записки анафеме, но думаю, что мой взгляд тоже имеет право на существование, поскольку это взгляд «снизу».

Нарушитель

В 1967 году шестнадцатилетним юнцом я стал постоянным читателем «Залов для научной работы». Тогда, как и теперь, в эти залы записывали только дипломированных специалистов, и всё же повторяю: я был постоянным читателем этих залов. Как раз в это время навеки закрылись школьные залы на Фонтанке, и меня как старшеклассника записали в общие. Там я и нашёл лазейку, позволившую проникнуть в святая святых. Залы для взрослых никак не были рассчитаны на то, что кому-то потребуются детские журналы. Достаточно было заказать «Костёр» или «Искорку» десятилетней давности, и тебе приходил вызов в «Русский журнальный фонд». Случайно попав туда первый раз, я, разумеется, отправился бродить по этажам и в «Зале техники» обнаружил открытый фонд. С этой минуты участь моя была решена: я понял, что должен быть здесь.

Если бы библиотечные заявки хранились тридцать лет, то въедливый исследователь мог бы обратить внимание на требования некоего безумца, видимо, свихнувшегося на почве пионерской работы и с маниакальным упорством штудировавшего подшивки пионерских журналов. Этим безумцем был я. Каюсь, ни разу я не взял заказанных журналов, я сразу бежал в подсобный фонд «Зала техники». Сейчас там уже нет открытого доступа, нельзя самозабвенно рыться в книгах. Возможно, это и правильно, больше стало порядка. Но интересно, сколько читателей потеряла библиотека во имя этого порядка?

Смоленский литератор Тибо-Бриньоль

Однажды, ещё в застойные годы, писатель Станислав Родионов посетовал, что у нас очень трудно сочинять детективы. С одной стороны, автор должен показать потенциальному преступнику, какая мощная система действует против него, причём показать правдиво и убедительно, чтобы криминальный элемент уверился в неотвратимости возмездия. С другой стороны, писать правду о методах сыска — нельзя, иначе непременно объявится умелец, который придумает, как обмануть машину возмездия. Таким образом, весь советский детектив представлял собой одну огромную «дезу». Увы, подобную «дезу» буду порой сочинять и я.

Однажды мне попалась ссылка на любопытную книжку, изданную в конце прошлого века в Смоленске. Её автор носил не слишком характерное для Смоленщины имя: Тибо-Бриньоль, но более всего поразило меня название книжицы: «Социализм как настоящая причина вырождения крестьянской лошади и как косвенная причина несвоевременных дождей в середине лета». В натуре книга оказалась тощенькой брошюркой на рыхлой серой бумаге. Автор с уныло-серьёзным видом вещал, что идеи социализма развращают крестьян и разрушают патриархальную семью. Ослабленные разделами семьи уже не могут как следует выкармливать лошадей, что и приводит к вырождению крестьянской лошади. В свою очередь хилая лошадь не способна вспахивать землю на должную глубину, в результате нарушается испарение влаги и, как видим, дожди в середине лета изливаются не так, как хотелось бы Тибо-Бриньолю.

Книжку я прочитал за двадцать минут и в тот же день сдал. Но вот беда — на полку она не вернулась. Нашёлся некто, позарившийся на анекдотическое название и укравший книгу. К сожалению, это не единственный такой случай. Иной раз думаешь — может и не стоит заказывать случайно обнаруженного книжного монстра? Целее будет. И уж во всяком случае, я не хотел бы давать наводки потенциальным ворам. Так что прошу меня простить, но время от времени я буду писать безликое «автор» или «одна книга» и вообще всячески запутывать библиографические ссылки, как это делал некогда профессор богословия протоиерей Е. Будрин.

Два библиографа

Шли неспешные застойные годы. Я в это время заведовал канализацией одного из Ленинградских заводов, а сам безо всякой надежды на публикацию писал историческую повесть о

великом гуманисте XVI века Мигеле Сервете. Поскольку импортными языками я владею, мягко говоря, «никак», то в первую очередь искал материалы на русском языке. Поэтому, обнаружив сочинение профессора Казанской духовной академии Е. Будрина «Михаил Сервет и его время» (Казань, 1878), я немедленно её заказал и тщательно проштудировал. Книга оставляла странное впечатление. Казалось будто автор, забросив богословские лекции, дни и ночи проводил в архивах Гагенау, Вьенна и Лиона. Уверенный тон и многие подробности поражали читателя. Неизбежно возникал вопрос: «Откуда взял эти сведения Е. Будрин?» Немногие книги, на которые ссылался автор ответа не давали. Оставалась последняя крошечная зацепка. Почти в самом конце монографии автор, как бы между прочим, обронил фразу: «Артиньи в своих мемуарах пишет…» — далее следовало нечто столь незначительное, что всякий читатель проскочил бы это место, не останавливаясь. Но я-то искал библиографическую ссылку! А здесь она была крайне странной. Сноска гласила: «Артиньи. Memoires.» И всё. Ну, прямо-таки, совсем ничего. Кто такой Артиньи? Современник, оставивший воспоминания о Мигеле Серевете? Или историк, автор популярных статей-мемуаров, что были в моде с середины семнадцатого столетия? На каком языке написана книга? Где издана? Когда? Можно было подумать, что протоиерей нарочно мутит воду, давая самую важную ссылку так, чтобы источник было не найти. Вроде бы и сослался профессор на предшественника и, в случае нужды, может аппелировать к ссылке, но, в то же время, ссылки как бы и нет.

С книгой в руках отправился я к библиографу генерального каталога. Безо всякой надежды на успех спросил, можно ли определить, кого имел в виду господин Будрин. И тут я увидел, как работает профессионал. Мгновенно на листке появилось штук шесть вариантов написания латиницей фамилии Артиньи. Поколебавшись чуть-чуть, библиограф добавил к ним всевозможные дворянские частицы. Затем, вспомнив обо мне, попросил зайти через полчаса.

Когда я вновь появился в помещении каталога, меня ожидала карточка, на которой значилось: D'Artigni abbe. «Nouveaux memoires litteraires, critiques et scientifiques», Paris, 1745.

Автор оказался не Артиньи, а Д'Артиньи, и книга носила другое название, а вовсе не то, что привёл вороватый протоиерей, но ничто ему не помогло, первоисточник был найден. Надо ли говорить, что добрая треть книги православного протоиерея на поверку оказалась вольным пересказом сочинения католического аббата?

Но это ещё не конец, ведь в истории фигурирует два библиографа.

Книга Д'Артиньи представляла собой изящный томик in-octavo, переплетённый в сафьян и сверкающий золотым обрезом. Экслибрис утверждал, что некогда книга принадлежала Императорской Эрмитажной иностранной библиотеке. Короче, великолепие было полное. Но когда я, вооружившись словарём, попытался читать обретённое сокровище, великолепие сразу потускнело. То есть, золотой обрез сиял по-прежнему, хотя оказалось, что его нет. Переплётчик, одевавший книгу в сафьян, допустил брак, забыв обрезать страницы. И за двести сорок лет (дело было в 1985 году) ни единая живая душа не попыталась прочитать нарядный том.

В таких случаях невольно начинаешь думать о тщете мирского. Может быть, я неправ, но мне кажется, что любая книга хочет, чтобы её читали. А иначе, зачем было тратить бумагу?

Так или иначе, но книгу надо было прочесть, и я вновь отправился к библиографу, на этот раз дежурному по залу техники. Немного смущённо я изложил просьбу:

— Нужен нож для бумаг.

— Зачем?

Я показал неразрезанную книгу. Трудно сказать, какой реакции я ожидал, но уж никак не той, что последовала.

— Разорвите, — равнодушно посоветовала библиотечная дама.

— Как?

— Пальцем.

— Но ведь… — я не находил слов, — вы взгляните, какая книга! Ей двести сорок лет!

— Я не могу дать нож, — дама была непреклонна. — Он денег стоит, я за него отвечаю.

Всё-таки, под залог читательского билета я получил пластмассовый ножик со штампованной надписью: «Цена 12 коп.» и смог разрезать страницы. Причём разрезал я не весь том, а только ту часть, где был напечатан труд, посвящённый Мигелю Сервету. Теперь, когда ещё через два столетия книгу возьмёт следующий читатель, он увидит, что не он первый раскрыл этот томик, но полностью книга так и не была прочитана.

А я с тех пор чётко различаю Библиографа и библиографа. К счастью, в Публичной библиотеке первые встречаются гораздо чаще.

Редкая книга

Есть в Публичке и такие отделы, куда так просто не войдёт даже дипломированный читатель. Это «Спецхран», Отдел рукописей и Отдел редкой книги. Туда пускают только после оформления спецдопуска, так же, как это происходит в архивах. Отдел рукописей, собственно говоря, и есть архив. Никаких документов на допуск я никогда не оформлял, да и отношение от моей канализационной службы вряд ли было бы принято во внимание. И всё же кое-куда я попасть сумел. Такие уж патриархальные были времена.

Из прижизненных изданий моего любимого Сервета в Публичке оказалось три книги: медицинский трактат «Универсальное действие сиропов» и два богословских труда: «О сущности троицы» и «Диалоги о троице». С первой книгой всё было ясно — она хранилась в «Россике», я заказал её, получил, тусклыми глазами поглядел на неудобочитаемую готическую латынь, потратив день, перевёл первую фразу, гласящую, что не только изучающие медицину, но и всякий разумный человек должен иметь верное представление о действии лекарств. После этого мне ничего не оставалось, как сдать книгу, поскольку тратить на перевод остатки жизни я не мог.

А вот с двумя другими книгами появилось затруднение. Е. Будрин сообщил мне, что объём первой книги сто шестьдесят восемь листов, а второй — шесть. Если речь идёт об авторских листах, то трактат «О сущности троицы» разрастается до размеров немыслимых для одного тома. К тому же не очень понятно, когда девятнадцатилетний Сервет успел сочинить подобного левиафана. Если же имеются в виду двойные страницы (В XYI веке пагинация большинства книг шла через страницу), то в этом случае «Диалоги о троице» оказываются даже не брошюрой, а листовкой или прокламацией, и продолжатель дела Томаса Мюнцера из кабинетного учёного превращался в уличного агитатора. Так о ком же я пишу повесть?

В таком случае подлинники смотреть просто необходимо. Дрожащей рукой я нажал кнопку звонка Отдела редкой книги и, когда дверь отворилась, спросил у строгой тёти, какие бумаги надо предоставить для хотя бы пятиминутного лицезрения сочинений Сервета.

Узнав о моих затруднениях, хранительница отдела провела меня внутрь, усадила за свой стол, и через минуту я держал в руках одетый в желтоватую кожу томик, где под одной обложкой были переплетены оба сочинения. В первом оказалось сто шестьдесят восемь двойных страниц, а во втором шесть авторских листов. Тогда я ещё не знал, что Будрин не держал в руках ни единого сочинения Сервета, а просто неверно перевёл

соответствующие места из Д'Артиньи.

Я пролистал книгу, которой не мог прочитать, как умел срисовал виньетки на первой и последних страницах, переписал эти страницы в тетрадку, стараясь сохранить особенности старинного шрифта, в котором S не отличается от F, а вместо предлога et ставится красивый значок &. Знаменитой фразы: «Чтящий троицу, на деле чтит четверицу, поскольку, поклоняясь самой троице поклоняется ещё и каждой ипостаси по отдельности», — я не нашёл.

Собственно на этом и кончаются мои воспоминания об отделе редкой книги, если не считать краткой экскурсии, к которой я однажды примазался, чтобы послушать, что говорят об отделе официальные экскурсоводы. Здесь же я хочу рассказать об удивительном ощущении, которое испытываешь, когда держишь в руках книгу, изданную четыреста с лишком лет назад. Ломкая кожа, чуть пожелтевшие листы тряпичной бумаги, на какой нынче печатают разве что денежные знаки. Если взглянуть на просвет, то можно видеть следы сита, на котором бумага отжималась. Шрифт, копирующий рукописные буквы. И, если вглядеться и представить кожу эластичной, бумагу свежей и буквы, пахнущими типографской краской, то можно увидеть людей прошлого не премудрыми энциклопедийными старцами, а живыми, мятущимися человеками. Подлинник вообще обладает удивительной силой воздействия, какой лишены даже самые лучшие перепечатки.

История с богословскими сочинениями Сервета имела неожиданное продолжение, правда, не связанное с Публичной библиотекой. Избалованный бесконечно богатыми фондами Публички, я решил, что мне доступна едва ли не любая книга, но очень скоро обнаружил, что это не так. Я вознамерился подержать в руках «Географию» Птолемея, изданную в Лионе братьями Трезхель. Редактором этой книги и автором примечаний был Мигель Сервет. Именно там он обратил свою критику не просто против отцов церкви, деятелей Константинопольского и Анкирского соборов, но и против самой библии. В литературе удалось найти лишь одну цитату из этой книги — описание Палестины: «Знай, однако, благосклонный читатель, что ложь или хвастовство были причиной описаний столь прекрасной земли, опыт же купцов и заграничных путешественников говорит о земле бесплодной, лишённой всяческой приятности. Поэтому обещание земли обетованной есть не более чем хвастливое туземное пророчество».

В сочинении Д'Артиньи нашлось упоминание, что «в прошлом году эта книга была куплена на королевском аукционе в Париже

за сорок тысяч золотых ливров». А в ту пору основным покупателем королевского аукциона был русский посланник, пополнявший фонды Эрмитажной библиотеки. Посему, потерпев неудачу в Публичке, я отправился в Эрмитаж. Эрмитажная библиотека также существует на правах архива, однако милиционер у входа позволил мне позвонить по внутреннему телефону и поговорить с библиографом.

Всё-таки, все настоящие библиографы превыше всего ценят возможность помочь читателю. Меня провели мимо стража в святая святых — научный каталог. Там выяснилось, что искомой книги нет и в Эрмитаже, зато есть рукопись двух первых книг Мигеля Сервета.

Можно представить, что чувствовал я в ту минуту! Библиограф тоже чрезвычайно заинтересовался и принёс книгу. Конечно, это не была исходная рукопись, но вещь не менее интересная. Неведомый анабаптист в далёком шестнадцатом веке скрупулёзно скопировал трёхсотстраничную книгу, добавив от себя лишь краткую приписку в конце: «Переписано мною лета 1531 страница в страницу, строка в строку, буква в букву». Даже форму литер и виньетки в начале и конце книги переписчик воспроизвёл с завидным искусством. Для сравнения я вытащил свои писульки и мне стало стыдно.

Спецхран

Уже несколько лет в одном из коридоров Публички можно видеть скромную выставку «Возвращено из спецхрана», но что это за спецхран и где он находится, никто толком не знает. Нетрудно догадаться, что этот отдел будет существовать и впредь, во всяком случае до тех пор, покуда имеется в России литература под строгим грифом «ДСП». Ясно, что попасть в Спецхран ещё сложнее, нежели в Отдел редкой книги, туда на смущённой улыбке не пролезешь. Однако, прихотливый случай однажды занёс меня и в эти засекреченные помещения.

Судьбина постоянного читателя такова, что тебя в конце концов начинают узнавать и считать своим. Оно и верно, старый читатель порой лучше нового работника. Со мной часто здороваются в коридорах, а если бы мне вздумалось в столовой стать в короткую очередь сотрудников, то полагаю, меня приняли бы за своего и никто не стал бы возражать. Так и случилось, что однажды, когда я спускался из кабинета библиотековедения, ко мне подлетела смутно знакомая дама и воскликнула:

— Как удачно, что я вас встретила! Помогите пожалуйста

перетащить шкаф, а то у нас в отделе мужчин совсем нет.

Она ещё долго объясняла, куда и зачем надо перетащить этот шкаф, но я просто кивнул и отправился следом за обрадованной женщиной.

Шкаф мы тащили втроём — я и двое молодых людей в синих халатах. Волокли неудобную громаду по узким извилистым коридорчикам, между нависающими стеллажами куда-то в неведомые глубины библиотеки. Местность становилась всё более дикой, проходы всё более узкими и, наконец, шкаф надёжно заклинило между дубовыми стеллажами, помнившими, вероятно, Крылова и Гнедича. Помучившись минут пять, мы решили передохнУть, а потом двигать шкаф обратно. Так у меня появилась возможность оглядеться. Странное было книгохранилище, доложу вам. Вместо привычных книг на полках громоздились картонные коробки, перетянутые бечёвкой и опечатанные. Надписи, большей частию цифровые, внушали трепет и почтение. Понять было нельзя ничегошеньки.

— Что это? — спросил я, кивнув на стеллажи.

— Спецхран, — ответили мне. — Вы разве не знаете?

— Нет, — честно признался я. — Я вообще-то человек посторонний, читатель…

Но и после этого никто меня не выдворил из секретного помещения, и мы ещё пятнадцать минут, надрываясь, пёрли шкаф к его прежнему месту жительства. А я с тех пор горжусь, что бывал я в этом спецхране, ничего там нет интересного.

Отдел рукописей

А вот в Отделе рукописей я не был. То есть в сам отдел заходил, а в хранилища — ни-ни! Но всё же и с этим отделом у меня связано любопытное воспоминание.

Я поднимал литературу по своему любимому шестнадцатому веку и, как обычно, заказал в Россике (это один из иностранных фондов) издания научных книг того времени. Очередная книга была выдана мне в общий читальный зал, хотя фронтиспис работы Паоло Веронезе запросто мог привлечь внимание какого-нибудь высокоучёного ворюги. Однако, речь сейчас не об этом. Разглядывая том: обложка из деревянных досок, обшитых кожей и снабжённых множеством медных накладок, — я обратил внимание, что лист бумаги, наклеенный изнутри на эту грандиозную обложку, отслоился, а под ним что-то есть.

Как можно осторожнее я заглянул в просвет и увидел ещё один лист, наклеенный непосредственно на дерево. Так во время

ремонта, чтобы обои лучше держались, стену сначала оклеивают старыми газетами. Но здесь-то была не газета, а обрывок древней рукописи! Неудобочитаемые готические знаки, исполненные не переписчиком, а художником. Буквицы в начале абзацев написаны киноварью и кобальтом. Короче, красота неописуемая. И возраст… по меньшей мере пятьсот лет. Это же настоящее открытие!

С томом подмышкой я ринулся в Отдел рукописей.

Библиограф отдела внимательно осмотрел мою находку, переписал данные о книге на карточку и со вздохом произнёс:

— Отнесите книгу на место. Если бы здесь было хотя бы десятка два листов, я постарался бы найти сотрудника, чтобы сделать описание, а одна страничка…

Должно быть, вид у меня был самый идиотский, потому что библиотекарь вдруг начал объясняться:

— Видите, тут деревянная доска и потому подклеен только один листок, а если переплёт кожаный, то внутрь вкладывали картонку или просто пачку бумаги. Но бумага была дорогой, поэтому туда пихали старые корректуры, черновики, обрывки рукописей… Во время реставрации мы всё это находим; каждый год десятки находок. Иногда очень интересные вещи попадаются, и нет никакой возможности обработать их как следует. Где уж тут заниматься одним листочком.

Огорошенный я побрёл обратно в зал. Вот тебе и сделал открытие! То есть, открытие, конечно, есть, да не про нашу честь. Слишком мы бедны и потому вынуждены разбрасываться сокровищами.

Таинственная зюзьга

Бывает так: выписываешь требование на книгу и наврёшь шифр, или библиотекарь что-нибудь перепутает, и получаешь вместо заказанной монографии «О водороде в органических соединениях», весьма занимательное, но абсолютно тебе ненужное сочинение «Рациональное разведение пчёл в Саратовской губернии». Обычно такие сюрпризы раздражают, но иногда…

Благодаря подобной случайности легла на мой стол книжечка «Стахановцы рыбной промышленности». Издание тридцатых годов, серая мягкая обложка — всё как полагается. Мог ли я сдать эту книгу, не пролистав хотя бы бегло? Однако беглого просмотра не получилось, моё внимание привлёк отрывок, в котором некий обвальщик рассказывал, как ему

удаётся выполнять план на 250 %. Цитирую по памяти: «Всё дело в правильной организации труда. Перед началом работы я наливаю рыбницу до половины тузлуком, осторожно опускаю туда зюзьгу и лишь затем начинаю заполнение». Фраза поразила меня обилием терминов и полной невозможностью понять, каким же образом достигается столь значительный эффект. Совершенно случайно я знал, что обвальщик потрошит и разделывает свежую рыбу. Что такое рыбница — ясно из контекста, тузлук — это крепкий раствор соли. Значит, секрет заключается в зюзьге.

Бросил все дела, пошёл в Центральную Справочную библиотеку (есть такая служба в Публичке). Просмотрел кучу толковых словарей — нет зюзьги. У Даля нашлась «зюзька» — поросёнок, в других словарях и этого нет. Академические словари — молчание; специализированные издания пищевой промышленности — пустота; сборники нормативных документов рыбной промышленности — ни слова. Нет на свете никакой зюзьги, и никто не сможет выполнить план по обвалке рыбы на 250 %.

Жгучая тайна зюзьги несколько лет не давала мне покоя. Я рылся в справочниках, совался в толстые труды, опрашивал друзей и знакомых и, наконец, получил ответ. Однажды среди ночи меня разбудил телефонный звонок.

— Я нашла её! — радостно кричал голос одной моей приятельницы.

— Кого? — со сна я ничего не мог понять.

— Зюзьгу! У меня брат двоюродный на сейнере работает, он из Мурманска приехал, и я у него спросила, что такое зюзьга. А он говорит, что никакой зЮзьги нет, а есть зюзгА.

Так я узнал, что зюзьгА (с ударением на последнем слоге) — это большой сачок, которым вычерпывают из трала пойманную рыбу. Умелец-обвальщик приспособил этот инструмент, чтобы разом вынимать из рыбницы всю разделанную рыбу, а не шарить руками в тузлуке, вылавливая рыбины по одной. Секрет оказался прост.

И всё-таки мне почему-то жаль, что нет больше загадки таинственной зюзьги.

Каталоги

Каталоги Публичной библиотеки — это особая песня. Речь идёт не о тех ящичках и кубах, что стоят в каждом зале и носят гордое звание подсобных каталогов. Речь идёт о немалых помещениях, сплошь заставленных каталожными кубами, где

хранятся сотни тысяч и миллионы карточек. Я знаю в Публичке три огромнейших каталога, без которых был бы невозможен никакой библиографический поиск.

Первый из них — Читательский каталог, расположенный в круглом зале и продолжающийся в коридоре, ведущем к участку ксерокопирования и залу Основного русского фонда. Каталог этот весьма неполон, содержит данные о книгах с 1930 года, и беспорядок в нём царит ужасающий. Иные карточки поветшали до того, что трудно разобрать, что на них написано, некоторые не держатся на штыре и готовы вылететь и потеряться. Невнимательные читатели то и дело пихают вынутый ящик в первое попавшееся гнездо, создавая кучу работы сотрудникам и массу неудобств себе самим.

Каюсь, один раз я, именно в читательском каталоге, совершил грубейшее нарушение правил, за которое вполне мог лишиться читательского билета.

В 1990 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла первая моя книжка. Разумеется, я не утерпел и при первой же возможности полез смотреть библиографическую карточку. Там я обнаружил ужасающую вещь — оказывается в издательстве перепутали моё отчество, обозвав меня Николаевичем, и карточка с полной невозмутимостью повторила ошибку. Я понимал, что совершаю преступление, но не колеблясь выхватил авторучку и переправил Николаевича на Владимировича. Вообще-то, по правилам следовало сделать приписку: «На издании ошибочно „Николаевич“». И самое главное, заниматься этим должно было ответственное за каталог лицо, а никак не я. Однако, сделанного не воротишь, буду надеяться, что за давностью лет меня простят.

Неудивительно, что в двух других каталогах читателям так просто рыться не разрешают.

Тематический каталог занимает как бы промежуточное положение. Ты сообщаешь библиографу тему своей работы, и получаешь ящички, в которым уже сам ищешь нужные тебе работы. Порядка в тематическом каталоге куда больше, нежели в читательском, хотя тоже не обходится без эксцессов. Вот история, рассказанная библиографом этого каталога.

Пришли как-то к ней два ничем не примечательных гражданина, написали заявку, получили ящики с карточками. Всё шло как обычно, и библиограф, не ожидая дурного, пошла обслуживать следующего читателя. Однако, вернувшись через пару минут, она обнаружила, что парочка азартно выдирает из ящиков карточки и раскладывает их на две кучки, приговаривая: «Это тебе, это тоже тебе, а это, пожалуй, мне…» Когда несчастная женщина попыталась остановить разбой, она встретила

решительный отпор:

— Прекратите хулиганить! — заявили ей. — Вы мешаете работать. Вы что, не видите, мы составляем библиографию!

Поскольку женщина не унималась, возмущённые читатели пригрозили вызвать милицию, и ещё долго не могли понять, почему им не позволили закончить работу.

Но самый главный в библиотеке — Генеральный каталог. Здесь имеется карточка на каждую из десятков миллионов книг, хранящихся в Публичной библиотеке. Порядок тут почти идеальный и дисциплина строжайшая. Если хоть одна карточка пропадёт или окажется не на своём месте, то эту книгу уже никто и никогда не отыщет, она может десятилетиями невидимо стоять на полке, о ней просто никто не узнает. Генеральный каталог — это святая святых библиотеки, и я горжусь, что пару раз библиографы доверяли мне самому проглядывать карточки в полутёмных коридорах Генерального каталога.

Главное

И всё-таки главное в библиотеке — читатель. Без него не нужны будут ни каталоги, ни библиографы с библиотекарями, ни даже книги. А читатель в залах для научной работы особый — цвет интеллигенции, люди сплошь с высшим образованием. И как же я был поражён, убит и попросту охромякнут, когда, впервые забежав в места общего пользования, обнаружил там все виды наскальной живописи, что украшают самый загаженный привокзальный сортир. Увы, давно замечено, что образование и культура — разные вещи. В ту пору я ещё не знал, что среди счастливцев, допущенных в лучшую из библиотек, полно случайных людей, порой встречаются книжные воры и даже сумасшедшие.

Библиотечные психи представляют собой особую породу людей. У них тоже есть дипломы, вот только образование не пошло им на пользу. Родственники больного обычно легко отпускают опекуемого в библиотеку, не подозревая, что обилие книг порой сводит с ума надёжнее чего бы то ни было. Очередной безумец появляется в тихих залах, привлекая потаённые взгляды, месяц или два упорно штудирует самые неожиданные книги, а потом бесследно исчезает. Дольше всех продержался среди читателей некий гражданин с пластмассовым барометром на лацкане пиджака. Считал ли он жизненно необходимым постоянно знать погоду, или принимал игрушечный прибор за орден неведомой державы, я не знаю. При виде сумасшедших я,

как и большинство читателей, стараюсь отвести взгляд в сторону. Лишь однажды мне пришлось вплотную видеть библиотечного безумца.

В тот день я сидел в зале картографии и мирно рассматривал гидрологическую карту Каспийского моря. Неожиданно дверь со стуком распахнулась, и в проёме объявился высокий мужчина в сером пиджачке, брюках галифе и кавалерийских сапогах. Стальные глаза под бобриком a la Керенский глядели поверх голов.

— Мне нужна Святая Елена! — ни к кому особо не обращаясь, произнёс вошедший.

— Что? — испугано пискнула библиотекарь.

— Мне нужна Святая Елена!

— Вам план острова или где он расположен?

— Мне нужна Святая Елена!

Поняв, что других слов она не дождётся, библиотекарь принесла здоровенный атлас мира, распахнула его на карте Атлантического океана и указала странному читателю крошечную точку острова Святой Елены.

Незнакомец надолго погрузился в созерцание, потом раздумчиво изрёк:

— Вот, значит, куда его… Так ему надо было отсюда в Танзанию! — жёлтый от табака ноготь пропахал просторы Атлантики, — поднимать негров, и вперёд!!! — рука пришельца взметнулась знакомым, тысячекратно отлитым в бронзе жестом.

Я поспешно отвёл глаза.

Всё же абсолютное большинство посетителей библиотеки — настоящие читатели. Одни из них появляются, чтобы сделать какую-то определённую работу, или просто навести справку, а потом на многие годы, а то и навсегда забывают о существовании Публички. Другие прочно обжились в старинных залах, ходят сюда как на работу. Да собственно, так оно и есть. В библиотеке не принято подходить друг к другу, знакомиться, но всё же этих людей я узнаю, и если мы встречаемся за пределами родных стен, то здороваемся, как давно знакомые люди.

Надо ли писать на книгах?

Казалось бы — странный вопрос. Разумеется, на книгах нельзя писать ни в коем случае. Однако, вот вам две истории, связанные с надписями на книгах.

В 1543 году произошли два величайших события в истории

науки: в Кракове вышла книга Николая Коперника «De Revolutionibus Orbitum Coelestium» — заложившая основы современной космологии, а в Базеле сочинение Андрея Везалия «De Humani Corporis Fabrica» — совершившая переворот в анатомии. Пройти мимо такого совпадения я не мог. Живо представилось, как мой герой получает со Страсбургской ярмарки обе книги в одном ящике. Но вот беда, книги при перевозке сортировались по величине. Так мог ли везальевский том формата in folio попасть в один ящик с трудом Коперника? К тому времени я прочитал несколько популярных книжек о великом поляке и обнаружил, что в них царит страшная разноголосица. Кто-то утверждал, что книга «Об обращении небесных сфер» представляет собой худосочную брошюрку, другие утверждали, что это фолиант. По счастью, нашлось упоминание, что в моей любимой Публичке хранится аж два экземпляра первого издания коперниковского труда, причём один из них принадлежал некогда Тихо Браге, который в 1601 году завещал его Иоганну Кеплеру. От Кеплера книга перешла к одному из его учеников, причём все трое ученых оставили на ней свои автографы.

Разумеется, я помчался в Публичку и заказал коперниковское первоиздание. Не стоило и надеяться, что мне выдадут книгу с автографами, но ведь существует и второй экземпляр, который я рассчитывал получить.

Каково же было моё изумление, когда в Россике мне выдали ту самую книгу, что некогда была в руках Кеплера и Тихо Браге. Прежде всего разрешился вопрос с размерами книги. Это действительно был фолиант, толщиной более двухсот страниц, хотя если перепечатать книгу в соответствии с нынешними ГОСТами, то получится книжица размером с тоненькую школьную тетрадку. Шрифт в книге был, какой ныне можно встретить разве что в газетном заголовке. Всякая главка начиналась с новой страницы. Но главное — поля. Таких широких полей я не видал никогда — отступ с любой стороны был не меньше пяти сантиметров. И всё это свободное пространство было исписано.

Каюсь, прочитав об автографах, я представил лаконичные надписи на титульном листе, нечто вроде: «Сия география моя». И, конечно, подписи великих. Здесь же три почерка спорили с книгой и друг с другом. Небывало широкие поля оказались исписаны нацело, каждая цифра в многочисленных таблицах — исправлена, восстановлена, затем переправлена по второму и третьему разу. Зачёркивания, исправления, восклицательные и вопросительные знаки! Единственное слово, которое я прочёл: error — ошибка. На любой странице оно встречалось по меньшей мере десяток раз.

Сто лет книга, именно этот экземпляр, был на самом острие науки, и казалось посеревшие пепельные строки жгутся, словно под пеплом ещё тлеет былой огонь.

Сдавая книгу, я попросил показать мне второй, хранящийся в библиотеке экземпляр. Здесь меня встретили девственные, нечитанные страницы, на титульном листе — экслибрис какого-то герцога, в чьей библиотеке сохранялся том, печать Публичной библиотеки и штампик, гласящий, что в 1937 году органы внутренних дел проверили данную книгу и антисоветчины в ней не сыскали. И всё. Mutum librum. Ни следа той жизни, что кипит на страницах первой книги.

Так надо ли писАть на книгах?

Однако, история ещё не кончена. Теперь рассказ пойдёт о другой книжке, которая уже много лет лежит у меня дома. Это избранные произведения Саллюстия, изданные в Лейпциге в 1840 году на латинском языке. Некогда книга принадлежала Филологическому факультету Петербургского университета, студенты изучали по ней латинский язык. И сейчас над строчками можно видеть сделанный мелким почерком перевод. В 1850 году книга была украдена. Последним её читателем числится студент XX курса Шульгин. Он несколько раз размашисто расписался поперёк титульного листа, а на последней странице оставил краткое матерное слово, выполненное в технике неоткрытого покуда пуантилизма.

Фамилия Шульгин не слишком распространённая, так что мне удалось провести небольшой поиск. Студент XX курса оказался отцом известного писателя. Однако даже этот факт не прибавил моего к нему уважения.

Так надо ли писАть на книгах?

Письмо из прошлого

Почему-то из всех отделов Публички долее всего мне не удавалось попасть в Полиграфию (так называется один из двух иностранных фондов). Наконец случай занёс меня и туда. В ту пору я собирал материал об одном никогда не переводившимся французском авторе. В библиотеке нашлось собрание его сочинений, выпущенное в самом конце шестнадцатого века ещё при жизни писателя. Я заказал книги и привычно стал ждать вызова в Россику. Вместо этого пришёл вызов в Полиграфию, о существовании которой я не то чтобы не знал, а просто забыл. С вызовом в руках я поднялся по лестнице, что возле Генерального каталога, и позвонил в дверь, на которой не было вовсе никакой

надписи. Прождав некоторое время, я уверился, что звонок не работает и толкнул дверь. Обычно книгохранилища бывают заперты, но тут дверь, заскрипев, приоткрылась и я оказался внутри.

В жизни мне не приходилось видеть ничего более мистического. Ряды стеллажей вздымались под самый потолок, куда-то на высоту пяти метров. Узенькие проходы напоминали улочки готических городов. Потемнелые от бессчётных лет тома громоздились всюду, места на полках им не хватало, и они лежали даже на полу. Бессильные лампы не могли развеять полумрак, что ещё больше нагнетало мрачную атмосферу. Короче, не хватало лишь скелета, прикованного к стеллажу, и звука мерно падающих капель.

Я попытался позвать кого-нибудь живого, но мой неуверенный писк заглох среди пыльных страниц. Решившись, я двинулся вглубь книжного лабиринта, словно щит держа перед собой бумажку с вызовом. Через полминуты я услышал шаркающие шаги и предо мной предстала «старушка дряхлая, полуживая», в синем сатиновом халате, валенках с обрезанными голенищами и сером вязаном платке на голове. Я ни секунды не сомневался, что вижу перед собой уборщицу, хотя швабры в руках у старушки не было. Тем не менее, я вздел белый флажок вызова и начал объяснять причину своего появления.

— Идём, — коротко приказал призрак уборщицы и повёл меня вглубь книгохранилища.

Немного спустя стеллажи расступились, освобождая место круглому столу, вероятно, тому, за которым сиживал король Артур со своими приятелями. Сквозь крошечное окошко нелепо виднелся кусочек оживлённого Невского проспекта. Старушка достала из шкафа заказанное мной собрание сочинений, выдала словарь и ушаркала во тьму.

Часа полтора я занимался привычным делом: листал страницы, стараясь проникнуться духом времени, переводил те строки, что поддавались моему дилетантскому знанию французского языка, переписал в тетрадку несколько выбранных наугад абзацев. А потом… Открыв очередной томик, я обнаружил письмо.

Лист бумаги, сложенный солдатским треугольником, был запечатан зелёной печатью (сургуч, или окаменевший от времени воск?). На печати — вставший на дыбы дракон и неразборчивая, оплывшая надпись. Печать переломлена ровно поперёк дракона, так что лист можно развернуть. Мелкий летящий почерк со множеством завитушек и росчерков; я не сумел прочесть там ни единого слова. Тонкая бумага без водяных знаков, но с

отчётливыми следами мелкого сита. Значит — семнадцатый век.

Здесь уже не могла помочь даже очень интеллигентная уборщица. Решительно встав, я отправился на поиски библиографа. Спустя несколько минут меня вынесло на ещё одну полянку меж стеллажами. Здесь помещался письменный стол с чугунной настольной лампой, какие были в моде лет сорок назад. На столе возлежал сверхъестественной величины том, не фолиант даже, а нечто большее и толщиной сантиметров двадцать. В глаза бросился средневековый латинский шрифт. Перед книжным левиафаном сидела давешняя старушка и с увлечением читала древний текст. Не работала с ним, не переводила, а просто читала для собственного удовольствия, как мы читаем в метро занимательный детектив.

С тех пор я знаю, как обманчива бывает внешность; я принял за уборщицу старейшего и опытнейшего сотрудника библиотеки Фанни Давыдовну Бартновскую. Мне тогда удалось разговорить строгую хранительницу фонда, и я услышал немало библиотечных историй и легенд. Особо запомнилась фраза: «Всё-таки есть в жизни справедливость… ведь за всю войну ни одна бомба на библиотеку не упала. Зажигалки не в счёт, для того мы на чердаке и дежурили, чтобы их тушить».

Когда я показал письмо, Фанни Давыдовна тоже первым делом посмотрела на просвет бумагу, потом долго разглядывала текст, и наконец со вздохом сказала:

— Это первая треть семнадцатого века. Написано на старопольском, но я очень плохо знаю старопольский и ничего не могу прочесть. Где вы его нашли?

Я объяснил.

— Положите обратно, — сказала женщина, возвращая треугольник. — Оно лежало там триста лет, пусть лежит ещё триста.

Так я и сделал. Уложил письмо на прежнее место, так чтобы печать пришлась на выемку, образовавшуюся среди страниц. Книгу я сдал и теперь только я и Фанни Давыдовна знаем, где лежит непрочитанное письмо. Возможно через триста лет его найдут, ведь в хорошей библиотеке ничто не пропадает бесследно. А если вдуматься, то и вся библиотека это одно огромное письмо, которое начали писать наши предки. И хотя это письмо не закончено и посейчас, оно находит своего адресата каждый день.